

Краткія свѣдѣнія о кончинѣ архимандрита Кирилло-Вълозерскаго монастыря Іакова и нѣкоторые выдающіеся случаи изъ его жизни, записанные послушникомъ онаго монастыря со словъ келейника.

О. архимандритъ Іаковъ родился въ 1818 г. Скончался 1896 г. на 79 году своей жизни. Предъ своею смертію онъ трижды соборовался: третій и послѣдній разъ онъ соборовался 9 января. Въ послѣднее время о. Іаковъ приобщался св. таинъ дважды въ недѣлю. Послѣдній разъ приобщался онъ въ воскресенье 14 января. Было назначено у него еще приобщиться св. таинъ въ среду (17 января), но смерть предварила исполненіе этого намѣренія. Наканунѣ смерти старецъ былъ довольно веселъ и, даже, — по рассказамъ обоихъ келейниковъ, радостенъ; но были минуты, когда имъ овладѣвало какъ-бы нѣкоторое безпокойство. Въ этотъ же день онъ показывал формуляръ келейнику своему о. Игнатію, говорилъ: „тутъ нужно написать, что у меня все покончено“ и просилъ его чтобы непременно было записано то, что онъ требуетъ, что это необходимо; говорилъ и далѣе, что у него покончены не только свои дѣла, но и въ консисторіи и въ Св. Синодѣ. О. Игнатій не могъ его убѣдить, что формуляръ къ новому году былъ вполнѣ законченъ и что писать въ него болѣе нечего; однако же и не исполнилъ его просьбы, считая батюшку находящимся не въ нормальномъ положеніи, на что онъ не разсердился, а только подтвердилъ: „теперь, такъ послѣ скоро придется записать“. За день до смерти батюшка бесѣдовалъ съ обоими келейниками, давалъ наставленія, жалѣлъ ихъ. О. Игнатій спросилъ его: „Что намъ будетъ,

когда вы померете“? Старецъ отвѣчалъ: „я надѣюсь, что старшая братія васъ не обидитъ, а въ остальномъ, да и во всемъ—то воля Господня; нужно надѣяться на Него“. При разговорѣ старецъ задумался и, закрывъ глаза, тяжело вздохнулъ два раза. Келейники думали, что старецъ кончается, но онъ, открывъ глаза, проговорилъ: „вотъ самые вѣрные признаки, что я проживу два только дня, а то и меньше“.

Старецъ въ послѣднее время вкушалъ самое ничтожное количество пищи за обѣдомъ, а вечеромъ ничего не вкушалъ; да и отъ обѣда келейникъ часто уносилъ хлѣбъ въ такомъ же видѣ, какъ и приносилъ... Въ послѣдніе четыре дня старецъ употреблялъ только антидоръ и теплоту, приносимые ему отъ равней обѣдни,—и по двѣ чашки чаю утромъ и вечеромъ. Въ день смерти принялъ антидоръ и теплоту и, должно быть, еще чашку чаю, потому что на днѣ оной келейникъ замѣтилъ чайный осадокъ. Скончался въ 10 часовъ утра, сиди въ креслѣ, не покачнувшись и какъ-бы задумавшись. Во все время и особенно въ послѣднее батюшка часто говорилъ келейнику: „тяжело переносить искушенія духа злобы“. Старшій келейникъ 14 января предлагалъ старцу переѣхать бѣлье, на что онъ не согласился; на другой же день самъ просилъ младшаго келейника подать бѣлье. Переѣхавши бѣлье, онъ замѣтилъ, что въ немъ и помереть и добавилъ: „хорошо бы еще сходить въ баню, да и помереть чистому“;—тогда какъ въ банѣ уже не бывалъ три года, а когда и раньше ходилъ, то не болѣе, какъ разъ или два въ годъ. Наканунѣ дня кончины былъ у него утромъ о. казначей для подписанія бумагъ; батюшка сказалъ ему: „я скоро помру!“ „Нѣтъ, сказалъ казначей,—вы за это время замѣтно стали неселѣе и свѣжей“, на что старецъ улыбнулся, не отвѣтивъ ни слова. Передъ самой смертію онъ говорилъ старшему келейнику, что у него по смерти ничего не останется, кромѣ книгъ, которыя жертвуетъ въ казну, и необходимой одежды, изъ которой подарилъ на память ему теплую рясу и камлавку, а остальное, добавилъ онъ, „останется на ваше распоряженіе“.

Горицкая игуменія съ сестрой пріѣзжали въ четвергъ (11 января) съ отчетами. Старецъ, подписавъ бумаги, сталъ у стола противъ игуменіи и, скрестивъ на груди руки, кланаяся просилъ прещенія, говоря, что послѣдній разъ прощается съ ней.

„Простите, говорилъ онъ, Бога ради, и помолитесь о мнѣ грѣшномъ; я отхожу отъ васъ въ жизнь вѣчную“. Игуменья въ воскресенье 14 января еще разъ пріѣзжала получить отъ него благословеніе, на что, по докладѣ—онъ сказалъ келейнику, что уже простился съ ней; однако допустилъ получить благословеніе. Старецъ глубоко вѣрилъ въ Промыслъ Божій; и Господь видимо не оставлялъ его. При благотворительномъ образѣ жизни и при полной своей нестяжательности, онъ часто не имѣлъ ничего въ то время, когда требовались какіе-либо неотложные расходы. И вотъ въ это-то время Господь и не оставлялъ его. Однажды, наприимѣръ, доставлены были изъ печати акаѣисты преи. Кириллу, для уплаты за которые требовалась сумма въ 100 руб. Не имѣя таковой суммы, онъ призвалъ келейника, чтобы посоветоваться, гдѣ взять денегъ, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ беспокоить старшую братію, потому что акаѣисты заказаны были печатать имъ лично для раздачи богомольцамъ. Не успѣлъ выйти отъ него келейникъ, какъ ему на встрѣчу понадается благодѣтель и жертвуетъ батюшкѣ 100 руб. Въ другое время требовалось 200 руб. но и тутъ Промыслъ Божій не оставилъ его; приходитъ онъ отъ утрени въ придѣлъ преи. Кирилла къ равней обѣднѣ и едва успѣлъ приложиться къ ракъ угодника, какъ подходит старушка и вручаетъ ему деньги. Нѣтъ сомнѣнія, что старецъ былъ глубоко проникателенъ и даже прозорливъ. Однажды приходитъ къ нему келейникъ и старецъ предложилъ ему нѣсколько душеполезныхъ наставленій. Но окончивши ихъ и посмотрѣвъ на келейника, онъ сказалъ, указывая на его голову: „ты, кажется, ничего не забралъ сюда изъ сказаннаго?“ Тотъ, дѣйствительно ничего не понялъ изъ его словъ и хотѣлъ переспросить его о наставленіяхъ, но старецъ предупредилъ его и вновь съ глубокимъ благоговѣніемъ и вмѣстѣ съ твердостію въ тонѣ повторилъ свои наставленія, которыя на этотъ разъ и были усвоены келейникомъ. Въ другой разъ вышло разногласіе между старшей братіей, въ которое между прочимъ замѣшанъ былъ и его старшій келейникъ старецъ. И вотъ когда келейникъ подавалъ ему чай, то сей послѣдній, посмотрѣвъ на него, уразумѣлъ его разстроенныя чувства и сталъ спрашивать о причинѣ скорби. Какъ ни пытался скрыть отъ него келейникъ дѣло, но все-таки пришлось высказать истину. Тогда старецъ тотчасъ же собралъ

старшую братію, разрѣшили недоумѣніе и разногласіе и всѣхъ примирили. Одному купцу, г. Кириллова, ведущему обширную торговлю водкой, старецъ совѣтовалъ оставить гибельную для народа торговлю. Купецъ и особенно жена его отговаривались, что не они, такъ другіе будутъ торговать водкой; а, вѣдь, и имъ надо же чѣмъ нибудь заниматься. Старецъ говорилъ на это: „придетъ время, — сами пожелаете оставить торговлю... но будетъ поздно“. И что же вышло? Самъ купецъ скоро померъ, старшій сынъ его впалъ въ распутство, и торговля съ этого времени не только прекратилась, но и домъ этого купца со всѣмъ имуществомъ опечатали.

Вотъ образецъ смиренія старца. Одного купца г. Кириллова въ послѣдніе дни своей жизни онъ со слезами просилъ, чтобы тотъ, какъ и прочіе граждане, простили его за то, что онъ въ теченіи послѣдняго года не служилъ ни одной обѣдн соборомъ. Не надо описывать, какъ тронуть былъ купецъ смиреніемъ старца.

Богу одному вѣдомы, какія искушенія претерпѣвалъ старецъ отъ враговъ внутреннихъ. Но не мало приходилось ему переносить и обидъ въ своей жизни и отъ людей. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, о которомъ передано намъ со словъ очевидца. Въ первый годъ своего настоятельства въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ, гдѣ братія была не вполне довольна имъ за строгость вводимаго имъ въ монастырѣ устава, — онъ въ одинъ вечеръ обходилъ братскія келліи; и вдругъ на него напалъ одинъ изъ іеромонаховъ и, потушивъ фонарь, началъ паносить ему сильныя побои палкою. Неизвѣстно, что пришлось бы перенести начальнику-старцу отъ этого грубаго и дерзкаго человѣка; но благодаря проходившему въ это время постороннему человѣку, ему удалось освободиться отъ гнуснаго оскорбителя. И вообще, большаго труда и многихъ обидъ и огорченій стоило ему дѣло, которому почившій старецъ преданъ былъ всею душою, — дѣло введенія въ монастыряхъ строгой, истинно-подвижнической жизни, вполне согласной съ духомъ устава монастырскаго. Въ первое время его настоятельства лишь немногіе достойныя уваженія, и истинно смиренныя духомъ старцы повижали и истинно чтили его. Отъ многихъ же ему приходилось

выслушивать ропотъ и укоризны, а то и прямыя оскорбленія и поношенія.

Покойный о. архимандритъ Іаковъ за три дня до смерти былъ представленъ къ ордену св. Анны первой степени.

О. Іоаннъ Кронштадтскій навѣщалъ нашъ монастырь и о. Іакова четыре раза; послѣднихъ двухъ его посѣщеній я былъ свидѣтелемъ. Первый разъ при мнѣ о. Іоаннъ „былъ 1893 г. 7 іюля; прибылъ въ 6 часовъ вечера во время всепощной, прикладывался къ иконамъ, привѣтствовалъ всю братію и болѣе часу бесѣдовалъ съ о. Іаковомъ у жертвенника очень тихо, такъ что предмета ихъ разсужденій изъ постороннихъ никто не могъ понять. Простившись со всей братіей, о. Іоаннъ выѣхалъ изъ монастыря при многочисленной толпѣ народа, собравшагося получить его благословеніе. Тѣснота и давка были столь сильны, что смутили духъ даже и о. Іоанна, который неоднократно обращался къ толпѣ съ увѣщаніемъ, но безъ успѣха, и говорилъ: „я какъ человѣкъ, не рискую быть раздавленнымъ и не уважаю здѣшній народъ“. Послѣдній разъ онъ былъ у насъ въ 1895 г. 13 іюля и почти совершенно тайкомъ. Въ Горицахъ, выйдя съ парохода, о. Іоаннъ при встрѣчѣ съ о. Игнатіемъ спрашивалъ о здоровьѣ о. архимандрита Іакова и тайно далъ знать, что сейчасъ же ѣдетъ навѣстить его. О. Игнатій немедленно отправился домой, а слѣдомъ за нимъ поѣхалъ и о. Іоаннъ. Прибывъ въ монастырь, о. Іоаннъ прямо направился къ о. архимандриту, который, при всей своей немощи, ожидалъ уже его въ архіерейскихъ покояхъ. Послѣ привѣтствій былъ поданъ чай, во время котораго о. Іаковъ сказалъ, обращаясь къ о. Іоанну: „вотъ я былъ нездоровъ и при помощи Божіей нынѣ поправляюсь“. „Благодари Всевышняго Создателя, отъ одра смертнаго возставившаго, и съ помощію Божіею приступайте къ священнодѣйствію“. Послѣ сего дѣйствительно до самой смерти о. архимандритъ могъ служить и служилъ часто молебны, читалъ акаѳисты, а въ праздники выходилъ на литіи и величанія. О. Іоаннъ хвалилъ воду и спрашивалъ, гдѣ ее берутъ.— „Изъ монастырскаго Сиверскаго озера“, отвѣчалъ о. Іаковъ. Далѣе о. Іоаннъ просилъ благословенія у о. Іакова отслужить молебенъ преп. Кириллу, на что о. Іаковъ сказалъ: „Богъ благословитъ“. Послѣ чаю о. Іоаннъ вставши и обратясь на Успен-

скій соборъ, во время звона въ „Мотору“ къ молебну, громкимъ голосомъ произнесъ: „Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ! Пресвятая Богородице, спаси насъ! Преподобне отче Кирилле, моли Бога о насъ!“ и всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру. На прощаніи о. архимандритъ замѣтилъ: „желалъ бы я дожить до пятисотлѣтняго юбилея нашему мощему монастырю“, на что о. Іоаннъ сказалъ: „желаю предстаѣ вамъ предъ Господомъ въ служеніи“²⁾. Въ прицѣлѣ угодника былъ отслуженъ молебенъ преп. Кириллу при иѣвнн смѣшанныхъ клиросовъ, довольно торжественно, и послѣ него о. Іоаннъ отправился изъ монастыря въ 11 часовъ вечера.

Много и другихъ удивительныхъ и полезныхъ фактовъ мною было собрано и записано изъ жизни покойнаго о. архимандрита Іакова; но къ сожалѣнію, теперь этихъ записокъ не имѣется у меня подъ руками; они разобраны были любимищими покойнаго батюшку лицами и переходятъ изъ рукъ въ руки, такъ что и узнать о нихъ стоитъ не малаго труда.

Какого мнѣнія былъ о. архимандритъ Іаковъ о жителяхъ: кирилловскихъ и череновецкихъ,—и какъ тѣ и другіе относились къ нему? Про первыхъ т. е. о жителяхъ кирилловскихъ (конечно не о всѣхъ) о. Іаковъ говаривалъ, что „этимъ только дай, а отъ нихъ ничего не жди“. И дѣйствительно, окрестные жители г. Кириллова постоянно приходили въ монастырь къ о. Іакову за подаяніемъ, особенно въ воскресные и праздничные дни; случалось, что народу набиралось полные корридоры о. архимандрита и большую часть его составляли кирилловцы: кто за лекарствомъ, кто за денежною помощью. Бывали и такіе случаи что батюшку обманывали; просить напр. мужикъ на лошадь или корову, рассказывая, что она у него пала; а на самомъ дѣлѣ оказывается, что онъ налгалъ батюшкѣ. Батюшка раздавалъ денегъ очень много: инымъ онъ отдавалъ по десяти, а то и болѣе рублей. О жителяхъ же череновецкихъ, батюшка отзывался хорошо и часто говорилъ келейнику: что не говорить про нихъ

²⁾ Благочестивое желаніе это старца Господь не судилъ исполнить. Пятисотлѣтній юбилей Кирилло-Бѣлезерскаго монастыря имѣеть быть въ будущемъ 1897 году.

(т. е. черепань), какъ ни хулятъ ихъ, — а они все-таки думаютъ и заботятся о своей душѣ.

Слѣдующій фактъ, рассказанный келейникомъ, показываетъ, какъ глубоко почитали батюшку черепане. — Поѣхали мы однажды съ о. архимандритомъ по благочинію. Проезжая въ Моденскій монастырь, мы остановились ночевать въ Череновцѣ. О. архимандритъ остановился въ гостинницѣ Волкова, а я отправился на почтовую станцію. Покуда я былъ тамъ, вѣсть о пріѣздѣ батюшки облетѣла уже весь городъ. Народъ спѣшилъ къ нему точно въ церковь. Только и слышно было, — что пріѣхалъ Кирилловскій архимандритъ о. Іаковъ. Когда я пришелъ въ гостинницу, тамъ уже была масса народу; коридоры были биткомъ набиты; а при входѣ въ гостинницу прибита надпись: такіе-то номера заняты о. архимандритомъ Іаковомъ. Весь вечеръ и почти всю ночь батюшка принималъ посѣтителей: кого для благословенія, кого для совѣта и наставленія. Я удивился этому. На другой день, отираившись изъ города, я спросилъ у батюшки: чтобы это значило, что народу столько набралось вчера къ намъ? О. архимандритъ отвѣчалъ: „Тебѣ это диво? а черепане всегда ко мнѣ расположены; смотри, какъ они мнѣ жертвуютъ?“

Одна старушка черепанка изъ деревни глубоко уважала батюшку. Прошлаго 1895 года услыжавъ, что онъ сильно боленъ, она отправилась въ Кирилловъ монастырь навѣстить его. Не смотря на свою боль (у нея была опухоль и ломота въ ногахъ такъ что съ трудомъ она и обувалась) она пришла къ батюшкѣ. Но онъ въ то время настолько былъ слабъ, что не могъ принять и благословить ее. Передавъ что-то старшему келейнику въ гостинцы для батюшки, — старушка сказала: сколько я ни обращалась къ лѣкарямъ за мазью для ногъ-то своихъ, никакой пользы не видѣла, — а какъ батюшка дастъ мнѣ что-нибудь, какъ рукой сниметъ. При этомъ старуха прибавила: „Нѣтъ-ли у васъ о. Игнатій, какой-нибудь мази? Вотъ ноги-то у меня какъ распухли, насилу обуваясь и разуваюсь“. И желая показать ихъ келейнику, старушка сняла сапогъ съ одной ноги, и что-же? опухоли на ногѣ никакой не было, и старушка была крайне изумлена. Келейникъ потомъ спросилъ ее: Какую же

боль-то ты чувствуешь въ ногахъ? Да, и боли-то теперь батюшка, о. Игнатій, словно-бы я не чувствую. Вотъ, слава-то Богу, и домой-то теперь я легко сойду.

Послушникъ *Алекстй Александровъ.*
